

ОТКРЫТИЕ
СЕЗОНА

Театры будут нас учить, воспитывать. Выставки будут расширять наш кругозор. Серьезная музыка будет возносить к небесам, а легкая — возвращать на землю (или наоборот). Уедет, наконец, Михай Шмидт, придет, наконец, Муслим Магомаев. (А мы будем сидеть у телевизора).

Каждую осень все известно заранее, а каждую осень все чего-то ждут. Городская жизнь гонит нас от сказки к сказке. Сезам, откройся — открывается сезон; когда в деревне убрали урожай, мы начинаем посевную кампанию. Будем сеять доброе и вечное. Встань пораньше. Встань пораньше. Встань пораньше.

Наслушавшись пейзажных лириков, которые бегают тут среди нас и забрасывают нас анонимками на городскую цивилизацию (почему анонимками — по причине отсутствия поэтической индивидуальности, которая и есть истинное имя поэта), мы думаем, что нам мешает жить уличный шум, дэвка в автобусе, равнодушные прохожие, невозможность достать билет на Таганку. А ничего подобного. Шум — это мы, и дэвка — мы. И равнодушие прохожих (приводящее порой и печальным последствием) — тоже мы наедине с собой, мечтатели и полубога; и лучше всего не попасть в нашумевший театр, это как-то будоражит фантазию, чем отсидеть три часа на орудовом представлении, усыпляющем фантазию, — хорошо еще, если не навсегда. Нигде так медленно не гуляется, так хорошо не думается, так много не понимается, как в нашей сутлоке и спешке. Не потому, что она хорошая, а потому, что она рождается вместе с нами каждое утро. Это наша флора и фауна, наши лужайки и ручейки, наши джунгли и необитаемые острова. «Профиль юности бессмертной промелькнет в окне трамвая» — это стихи, благозвучие которых оплачено лязгом колес и скрежетом тормозов, но это также и заметка фенолога, рассказывающего, какие встречи ожидают нас в этой городской чащобе.

Итак, мы дома. В четверг была генеральная репетиция: Михаила Ульянова — Антония и Юлии Борисовой — Клеопатры в Театре имени Вахтангова. Шекспир в постановке Евгения Симонсона. Кажется, шестой шекспировский опыт за пятьдесят лет существова-

ния театра. Самым знаменитым спектаклем был первый — спорный по нынешней терминологии, скандальный по тогдашней: «Гамлет» с комическим актером Горюновым в главной роли (был этот Гамлет бодр, напорист, и «быть или не быть» спрашивал, примеряя корону, — быть ему королем или дело не выгорит, а Офелия под конец напилась с горя, отчего и утонула, но играли, говорят, беспроблемно) и с отчаянной музыкой Шостаковича в качестве главной художественной ценности — она осталась таковой и поныне. Самым удачным и дольше всего продолжавшимся — второй, «Много шума из ничего», легкий, изящный, однако уместный и на фестивале в Париже, и на датском утреннике, с Симоновым (Рубеном Николаевичем) и Мансуровой, с популярными до сих пор песенками Тихона Хренникова на стихи Павла Антокольского. Третий и четвертый шли недолго и прошли бесследно — снова «Гамлет», на этот раз всерьез, с Астафьевым, и «Ромео и Джульетта» с Юрием Любимовым и Галиной Пашковой; пятый, «Два воронца», ни на что особое и не претендовал. По сумме очков советское театроведение считает, что вахтанговцы с Шекспиром до сих пор не складки, — и вот почему премьеры «Антония и Клеопатры» будет принципиальным ответом на принципиальный вопрос.

Это называется — сезон сразу же берет быка за рога. Кто хочет за всем поспеть, уже сейчас должен наравно задрагивать и соорбжжжж, куда и как быстрее доехать.

Но мы с вами пойдем лешком. Это говорится о внутреннем ритме человека, окруженного культурными ценностями, но также и о способе передвижения. Если вы ловчите и

юлите, добывая билет, ругаетесь дома, что вот опять обед запаздывает, ужимаетесь перед таксистом и растапливаете прохожих, то не надейтесь, что златолет, на который вы провались, имеет мировую славу. Мир не дурак, чтобы компенсировать собою то, чего вам не достает. Мировая слава этого балета как раз и может оказаться вашим последним ужимением — надутая, как ресторанный швейцар. Театры, музеи, концертные залы со всем своим содержанием могут быть отправлены куда угодно (на гастроли ездят не только артисты, но и картинные галереи, можно разобрать по кирпичику старинную церковь и сложить ее в другом месте для новой публики), но московские они только в ансамбле города, включая и нас с вами. Можно пойти по Москве так, чтобы

она была гигантским Малым театром, а можно — чтобы Дворцом спорта, Большим залом консерватории, «Иллюзионама». Дворники Кадашевской слободы не выводят к Третьковской галерее, а являются ее истинным востиком, в то же время и экспонатом. Мы приехали, мы начали учебный год, открыли сезон — и все, спешка и гонка кончились. Торопиться надо было и речке, пока вода теплая, или в лес, пока там нет волков, или на Рафаэля, пока он не вышел из моды. А мчаться в «Третьковку», как будто к трапу реактивного самолета, или на «Антония и Клеопатру», как будто Шекспира не четыреста лет, а Москва не восемьсот, — оставим эти глупости соседям, как говорил мальчик в итальянской сказке Горького.

Что касается меня, то я старый вахтанговский поклонник, но мой любимый театр — Москва. Премьеры — ежедневно.

Так было триста лет назад и будет так всегда.

А. АСАРКАН.



Все, кто встал, встаньте в круг.



Ансамбль «Славянна».

Фото читателя Т. КОЗЛАННОВА.